

Предварительные замечания: Я убежден, что сейчас в мире две решающие «горячие» точки – это Венесуэла и Украина. Я уже писал об этом (среди российских журналистов об этом писал Нил Никандров). Чего стоит, например, координация действий в реальном времени между венесуэльскими радикалами и украинскими неонацистами в кульминационный момент Евромайдана и первой волны насилия в венесуэльской столице. В Венесуэле оппозиция в последнее время тоже имеет тенденцию к фашизации, и в ее планы входит государственный переворот. Срыв ситуации в Венесуэле поставил бы под удар все левые и левоцентристские правительства в Латинской Америке и тем самым открыл бы прямую дорогу мировому неонацизму, в следствие могут создаться условия для украинского сценария в других странах. На Украине история уже раскавычила слово «горячая точка» и перевела политическое противостояние в прямую военную агрессию. Чем грозит «развитие» украинского сценария и его распространение дальше, в особенности на Россию – русскоязычному читателю объяснять не надо. Но вот какова объективная взаимосвязь и какие напрашиваются параллели между Украиной и Венесуэлой – хорошо показано в переведенной мною статье. В ней есть спорные моменты, которые я выделил курсивом, с ними можно поспорить, но в целом, на мой взгляд, она хорошо раскрывает тему. В любом случае латиноамериканский взгляд на события на Украине небезынтересен. Бесспорные и наиболее существенные моменты я выделил жирным. Обсудить и те и другие можно в комментариях.

Конфликты в Венесуэле и на Украине: что общего и чем отличаются.

Автор: Энтони Медина (перуанский политолог)

Источник публикации: политологический журнал перуанский «Ideele», а также эквадорский журнал «ALAI».

Дата публикации: апрель 2014

Перевод: Пятаков Андрей

Украина и Венесуэла: параллельные конфликты, различные времена и аналогичные сценарии. Оба кризиса сходны в том, что начались с народных манифестаций за проведение очень специфических экономических и политических реформ, а затем переросли в международные конфликты, раздутые сложным переплетением внешних интересов, большим или меньшим участием США (сдержанным в Венесуэле, весьма значительным на Украине). В то же время два кризиса сильно отличаются друг от друга как различным весом вовлеченных в них акторов, так и возможными последствиями, которые могла бы иметь военная эскалация в обоих регионах. В этом смысле, **украинский конфликт - явно более тяжелый и более значимый для стабильности международной системы.**

Начнем с того, что сделаем краткий обзор предыстории нынешней ситуации. В украинском случае, перед нами страна, разделенная этнически и по языковому признаку на преимущественно украинский запад и преимущественно русский юго-восток. В религиозном плане, запад – *католический*, восток – православный. Две трети украинских граждан принадлежат к украинской этнической группе, чей первый язык украинский (хотя большинство из них двуязычные), в то время как шестую часть

составляют этнические украинцы, чей первый язык – русский. С другой стороны, шестая часть населения – этнически и лингвистически русская. Не говоря уже о кровавой истории вторжений и территориальных завоеваний, которые перенесла страна со стороны Австрии, Польши и Литвы, восходящих к XIV веку (за всю историю они располагали только 23-мя годами независимой жизни – теми, которые последовали за распадом СССР).

На этой ситуации зиждилась постсоветская Украина; ее внутренняя стабильность покоилась на консенсусе элит, согласно которому они обязывались не играть с темой этой разделенности в избирательных кампаниях. Отсюда понятно, что украинские протесты ноября 2013, хотя и имели конкретной целью подписание Договора об ассоциации с Европейским Союзом, по существу оспаривали культурную идентичность украинского государства: не как части Евразии, вместе с Россией и остальной частью народов Кавказа и Центральной Азии, а как составной части так называемого "Запада", на стороне Европейского Союза, с его ценностями политической свободы, демократии и прав человека. По крайней мере, так предполагалось.

В отличие от Украины, чей конфликт основан главным образом на столкновении культурных и геополитических идентичностей Востока и Запада, в Венесуэле имеет место ясная идентичность страны как латиноамериканской, андской, равнинной, амазонской, карибской и производительницы нефти. Это очевидно, и никакой политической силой страны это не оспаривается. Венесуэльские протесты нам лучше знакомы, поскольку основываются на экономическом и социальном положении страны. После 13 лет правления Чавеса и года правления Мадуро, основной консенсус между теми, кто выстроил так называемую Пятую Республику, рушится на фоне неспособности венесуэльского государства направить нефтяные доходы на проведение конкретных институциональных реформ, которые бы позволили разрешить две фундаментальные проблемы: недостаток продуктов первой необходимости и ужасающее отсутствие гражданской безопасности, ставшее бичом страны много лет назад, еще до избрания Чавеса президентом в 1998 году. В этой связи, отметим главные черты сходства и различия обоих конфликтов.

Внутренний или международный конфликт?

Первое различие, на которое можно указать, относится к «домашнему» характеру конфликта. Сколько бы Мадуро не настаивал на идее международного заговора, организованного США против его страны, бесспорно, что **на сегодняшний день основная тенденция Боливарианской Революции – не экспансия, но борьба за удержание власти**, а также решение проблем нехватки товаров и отсутствия безопасности, при сохранении действительных социальных достижений последних лет. *В этом контексте, пока нефтяные поставки в США будут стабильными, у североамериканцев не будет мощных стимулов для интервенции в Венесуэлу путем вооружения оппозиции, как они поступили в Ливии и Сирии.* (В самом деле, уровень американской экономической помощи Венесуэле – один из самых низких в регионе: 6 млн долл. в год, в отличие от более чем 500 млн, которые в среднем предназначаются Колумбии или Мексике).

Как бы то ни было, неоспоримо, что в Белом Доме как минимум одобрительно восприняли бы возможное падение правительства Мадуро и «демократический переход», руководимый оппозицией (несмотря на слабую ориентацию на осуществление государственного переворота, сходного с государственным переворотом 2002 года, было бы наивно отрицать, что в настоящее время США поддерживают постоянный дипломатический контакт с ключевыми акторами конфликта).

Украина – другое дело, учитывая явную заинтересованность как США, так и ЕС в достижении контроля над этой ключевой частью мира. Достаточно вспомнить невыполненное обещание, данное президентом Дж. Бушем советскому коллеге М.Горбачеву, что США не станут использовать падение СССР для расширения своего “периметра безопасности” на восток. Сегодня несколько стран, входивших в орбиту СССР, принадлежат как к ЕС, так и к НАТО (блоку, который, не будем себя обманывать, остается по существу антироссийским военным альянсом); **поэтому действия России в Крыму были не параноидальным капризом тоталитарного лидера, но отчаянным ответом восходящей державы на бесспорную территориальную угрозу.**

(Не)законность этого действия и его последствия для международного права станут предметом дискуссии в другой статье.

Стороны конфликта противопоставлены различными причинами

Другое различие состоит в политических мотивах, разделяющих стороны конфликта. В общем виде, украинский конфликт принял форму противостояния по линии: “прозападные vs. проазиатские” и “про-ЕС vs. про-Евразия”; в то время как венесуэльский конфликт разделит население не по поводу культурной идентичности, но по политическим и классовым мотивам: не только «чависты versus античависты», но также “богатые versus бедные”. **На Украине протестные движения носят поликлассовый и многорасовый характер, несмотря на глубокие этнические бреши в стране (и, как кажется, даже неонацистские партии достаточно “демократичны”, и ненавидят евреев и русских одинаково, имущие те или неимущие).**

Наоборот, в Венесуэле достаточно очевидна связь между социально-экономическим положением и политической позицией в отношении правительства (это не относится к, так называемой «боливарианской буржуазией», которая обогатилась под покровительством правительства).

Как Николас Мадуро, так в свое время и Виктор Янукович ясно понимали, что представлял собой средний оппозиционер: **активист крайне правых сил, финансируемый из-за рубежа (уже знаем, кем, это очевидно).** С наступлением «чавистской» эры (и особенно после государственного переворота 2002 г.), венесуэльское правительство расширило словарь для обозначения оппозиции («фашисты», «лишенные родины», «обезьянки» (имитаторы янки), «отребье» и так далее) как врагов Родины и Революции. Янукович также демонизировал и *крайне жестоко подавлял* первых оппозиционеров, вышедших на «Евромайдан», чем вызвал новую волну сопротивления и большой антагонизм в отношении его правительства.

Ясно, что, *в отличие от Мадуро*, опасения Януковича были достаточно оправданными. После его свержения в конце февраля, Украина стала *первой страной Европы, где фашисты и неонацисты пришли к власти впервые с конца Второй Мировой войны*, несмотря на то, что временное правительство возглавляет Александр Турчинов (*умеренный лидер*, человек бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко). Партия «Свобода», наследница ОУН Степана Бандеры, контролирует несколько высоких должностных постов, среди которых министры, заместители министра, судьи. Официально «Свобода» стремится "очистить" украинское общество, преследуя гомосексуалистов, отрицая репродуктивные права и призывая к изгнанию из страны русских, евреев и коммунистов.

Как и «Свобода», «Правый Сектор» также принимает Бандеру за идеологический ориентир, но, в отличие от первой, представляет собой не столько политическую партию («Свобода» была основана в 1991 г.), сколько экстремистское движение, появившееся на свет в ходе протестов на «Евромайдане», которое стремится дистанцироваться от остальных партий и оппозиционных украинских движений, включая «Свободу». Они также заняли некоторые государственные посты, а их активисты патрулируют улицы Киева в капюшонах, вооруженные винтовками, бейсбольными битами, палками, камнями и факелами. Эти и другие группы оспаривают в настоящее время политическое пространство по всей стране после изгнания Януковича, и они не останавливаются перед запугиванием тех, кто им противостоит, будь то служащие предыдущего правительства или простые граждане, несогласные с их методами.

Именно такого рода группы развязали насилие против правительства (оставив демократическую оппозицию на втором плане) и, к сожалению, именно они сейчас определяют как новую политическую жизнь Украины, так и ее будущие отношения с Россией (несколько дней назад лидер «Правого Сектора» призвал, если спор с Москвой не удастся разрешить дипломатическим путем, вывести из строя проходящие по украинской территории российские газопроводы).

Возвращаясь к Венесуэле, можно сказать, что там ситуация гораздо более "тропическая". *Николас Мадуро был бы счастлив увидеть Марию Корино Мачадо и Энрике Каприлеса* [лидеры правой оппозиции – прим. переводчика] *одетыми в военную форму со свастикой и призывающими своих штурмовиков разнести вдребезги президентский Дворец Мирафлорес. К сожалению для него, венесуэльская оппозиция гораздо более политически фрагментирована, и, одновременно, их требования гораздо более оправданы, чем ему хотелось бы думать.* После увеличения числа голосов, отданных за оппозицию на выборах 2013 года, что едва не принесло победу Энрике Каприлесу (в отличие от выборов 2012 года, когда Чавес выиграл с разницей почти в 11 %), перспектива выборов 2018 года заметно пошатнула дух оппозиции, усилив внутренние свары между людьми, которых объединяет только общий враг.

Все это ограничило их избирательные возможности пределами средних и наиболее богатых слоев, которые выигрывали в течение 40 лет от чередования у власти двух традиционных партий «Демократическое действие» и «КОПЕЙ». Конечно, хотя в Венесуэле нет неонацистов, там налицо многие проявления *грязной войны с обеих*

сторон: моторизированные наемные убийцы, уличное насилие, информационные фальшивки, циркулирующие в сетях Facebook и Twitter (бесспорно, что, если уровень конфронтации в самом деле был таким острым, в них не было бы нужды), группы "самообороны", стремление возложить на другую сторону ответственность за убитых и раненых (неправда, что вся вина лежит только на оппозиции) и др.

Внутри оппозиции и венесуэльских протестов можно отчетливо выделить две линии, как по нынешним позициям, так и по предыстории. Первая – это линия Энрике Каприлеса Радонски, бывшего кандидата на пост президента от блока «Стол демократического единства» (MUD), который держался в стороне от актов гражданского неповиновения и до сих пор поддерживал только мирные манифестации студентов.

Вторая линия более радикальна, и это она прилагает в настоящее время усилия, чтобы свергнуть правительство Николаса Мадуро. Эта линия возглавляется Леопольдо Лопесом (он с 2008 года лишен права занимать государственные должности, а сегодня сидит в тюрьме) и депутатом Национальной ассамблеи [парламент – прим. перев.], Марией Корина Мачадо. Оба имеют давний опыт противостояния «чавизму», принимали активное участие в событиях, приведших к государственному перевороту 2002-го г., даже причастны к подписанию указа, которым был назначен «временным президентом» предприниматель Педро Кармона.

Различия между этими течениями прослеживаются со дней госпереворота: несмотря на то, что Каприлес был среди подписавших указ о назначении Кармоны, не ясен уровень его вовлеченности в процесс переворота в бытность мэром Баруты [богатый пригород Каракаса; в апреле 2002 г. мэр Баруты Э. Каприлес организовал осаду и попытку штурма посольства Кубы, за что был впоследствии привлечен к суду – примечание переводчика] в отличие от Лопеса и Мачадо, делавших ставку на смену режима любой ценой. Также, в ходе парламентских выборов 2005 г., когда большинство оппозиции приняло решение бойкотировать выборы в Ассамблею (обеспечив тем самым «чавизму» абсолютный контроль над законодательной ветвью власти), Каприлес вместе с некоторыми другими оппозиционерами выступали за участие в них с целью присутствовать в парламенте и иметь возможность влиять на принятие будущих законодательных проектов «чавизма». Время показало, кто оказался прав.

Различия в геополитическом значении конфликтов

Как мы уже сказали, *венесуэльский конфликт, в отличие от украинского, не является решающим для будущего международного порядка, и его влияние ограничивается латиноамериканским регионом. Венесуэла - моноэкспортирующая страна, чье географическое положение в Южной Америке не делает ее решающей для сохранения североамериканской гегемонии в мире (в отличие от маленькой Панамы, удостоившейся военного вторжения в 1989 г.).* Несмотря на непрерывное дипломатическое противостояние между Чавесом и Бушем - Обамой, продажа нефти по рыночным ценам в США было и остается главным источником доходов, который позволил правительству, среди прочего, ликвидировать долг перед Всемирным Банком и МВФ, а также поддерживать “нефтяную дипломатию” и социальные миссии внутри страны.

С Украиной все наоборот. Она оставалась последним государством – прокладкой между Россией и бывшей постсоветской периферией, уже включенной в НАТО (Польша, экс-Чехословакия, три балтийские страны, Румыния, Венгрия и Болгария – уже члены блока). Для России выход в Средиземное море через Черное море и турецкие проливы (Босфор – Мраморное море – Дарданеллы) был и остается приоритетом, восходящим к эпохе Петра Великого (1682-1725), поэтому вскоре после распада СССР Россия озаботилась обеспечением присутствия своего флота в Черном море в украинском порту Севастополь, который она арендовала до сегодняшнего дня. *Причина: доступ к теплым водам Средиземного моря позволил бы российскому флоту быть активным в течение всего года, в отличие от холодных вод российской Арктики и Северного Тихого океана, где проход кораблей затруднен в течение зимы.*

Частичный контроль в Венесуэле, отсутствие контроля в Украине

Чрезмерные репрессии – это всегда признак страха и слабости, и мы уже видели, как ответы Мадуро и Януковича привели к различным результатам. У Януковича была разделенная страна, с довольно сомнительной внутренней лояльностью и отсутствием поддержки со стороны украинских олигархов, которые обогатились на приватизации в бывшем СССР, и, наконец, с наступлением неонацистских партий при поддержке США и ЕС. Его плохо рассчитанная реакция, колебавшаяся между репрессиями и запоздалыми переговорами, привели к гибели 88 манифестантов, согласно официальным цифрам; после этого его отстранение от власти стало делом нескольких недель.

В этом плане Мадуро проявил большую способность к самокритике, чем Янукович, поскольку он сместил начальника SEBIN (Разведывательная служба Венесуэлы) за неподчинение приказу не оставаться в казармах и выступить на подавление студентов и оппозиции, вышедших на улицы 12 февраля (тогда было убито три человека) и, несмотря на все это, сохранил поддержку Вооруженных Сил и полиции, государственной нефтяной компании PDVSA, а также всей Объединенной социалистической партии Венесуэлы (PSUV) и гражданских боливарианских объединений и групп местной самообороны.

В Венесуэле вспышки насилия происходят, скорее, из-за неспособности государства контролировать силы, поддерживающие власть, которые действуют самостоятельно внутри GNB (Военизированной полиции), и вооруженные полугосударственные группы (одна из самых известных – организация Turataros), контролирующей значительную часть бедных районов (барриос) Каракаса, а также радикальные круги оппозиции, отвергающие любые переговоры и стремящиеся к обострению насилия и созданию условий для государственного переворота.

Заключение

Хотя украинский и венесуэльский конфликты достаточно разные, можно констатировать, что есть общее содержание, отчасти их сближающее. Во-первых, правительства Мадуро и Януковича пользовались достаточной поддержкой в обществе в сочетании с различной степенью авторитаризма в осуществлении власти, а также имели прекрасные отношения с Россией и неоднозначные с США и ЕС.

Оба конфликта начались как мирные протесты, имевшие целью добиться *конкретных политических и экономических реформ* (решение проблемы нехватки продуктов и проблема безопасности в Венесуэле; *Соглашение об экономической ассоциации с ЕС* в украинском случае), но позже претерпели эскалацию из-за ошибочной реакции правительств, а также из-за активности экстремистов, которые добивались не реформ внутри системы, а смены режима (неонацисты на Украине и радикальные оппозиционеры в Венесуэле). Также, в обоих конфликтах социальные сети и видеосети (Facebook, Twitter и YouTube) стали новым полем битвы за (дез)информацию, на котором обе стороны – и провластные силы, и оппозиция – стремятся обеспечить поддержку своему восприятию реальности (*особенно популярны оппозиционные видео, снятые на английском языке и в хорошем качестве*).

В обоих конфликтах, умеренные силы отошли на второй план: в то время как радикальные оппозиционеры не уступают правительству в уровне насилия, у нового временного правительства Украины остаются проблемы с контролем над ультранационалистическими группами.

– В Венесуэле, насилие в богатых районах и инертность в бедных структурно ограничивает протестные возможности оппозиции. Пока правительство сохраняет контроль над полицией и Вооруженными силами, можно прогнозировать, что обе стороны продолжат войну на истощение посредством новых сообщений о смертях. Мадуро получил в наследство от Чавеса очень благоприятную расстановку сил в регионе как результат использования нефти в качестве инструмента внешней политики, а, следовательно, в будущем не стоит ожидать никаких изменений уже устоявшихся позиций стран Америки в международных организациях региона. В последние годы, Венесуэла набирает популярность в Организации Американских государств (ОАГ) (парадоксальным образом, Чавес и Мадуро нередко считали ее инструментом “империализма янки” для вмешательства в латиноамериканские дела), поэтому следует надеяться, что ни CELAC, ни UNASUR не выскажутся в противоположном смысле.

Что касается выхода из кризиса, Хайнц Дитрих, создатель концепции «социализма XXI века», находящийся с 2007 г. в оппозиции правительству, отмечает, что политический центр кооптации классов (военных, народных кругов, бюрократии), финансируемой за счет нефтяной ренты (так называемая «Пятая республика»), пришел к концу, так как нет возможности ее оплачивать; поэтому необходимо новое политическое соглашение и структурная реформа экономической модели (что будет с необходимостью предполагать уступки в плане контроля и использования нефтяной ренты), создав новую аргументацию, оправдывающую переход при сохранении социальных завоеваний чавизма. Надо еще посмотреть, удастся ли Мадуро возглавить эту тенденцию *при неопытности (а нередко и неуклюжести), которую он демонстрирует*; однако до сих пор ситуация остается для него благоприятной. (Сейчас, когда пишутся эти строки, правительство уже признает *неизбежность ослабления экономического регулирования*, вводя более открытый рынок валюты и разрешая ее куплю-продажу вне обменных структур, контролируемых правительством; это имеет целью предоставить предприятиям больший доступ к долларам для импорта продуктов и сокращения дефицита; в то же время исправляются некоторые искажения, порождаемые черным рынком).

Как мы уже отмечали, *в отличие от Венесуэлы*, Украина действительно имеет глобальное значение ввиду своего центрального положения в Европе и будущих последствий своего нового присоединения к Европе, а также *российской аннексии Крыма*. Новое украинское правительство только что подписало торговое соглашение с ЕС и уже выразило интерес к *вступлению в его члены, со всеми политическими и экономическими реформами, которые это предполагает*. В краткосрочном плане это должно породить острый внутренний конфликт *по причине вмешательства неонацистских и ультранационалистических групп, которые добиваются автаркической модели развития, далекой не только от опеки России, но и от Европы*. Если этим группам удастся занять позиции в новом правительстве, которое будет образовано после выборов 25 мая, Украина превратится в непредсказуемую страну между двумя блоками.

В заключение нужно вспомнить, что постсоветское пространство – это сложная система политических, культурных и этнических связей, где в повестке дня стоит сепаратизм; и именно в этом смысле надо понимать упорное стремление России сохранить за собой Крым (не допустив, чтобы смена режима на Украине поставила ее на слишком антироссийские позиции). **Достаточно вспомнить кавказскую войну 2008 г., чтобы понять, что Россия не остановится перед военным вмешательством в любой соседней стране, которая стала бы преследовать русское население или, хуже того, угрожала бы вступить в НАТО.** Учитывая, что международный порядок, установленный после Второй Мировой войны, освятил принцип запрещения *завоевательных войн*, Крым мог бы стать прецедентом (имеющим силу, конечно, только для России) включения в ее состав новых территорий, *принадлежащих* бывшим советским республикам. Поскольку ЕС планирует подписать в этом году соглашения об ассоциации также с Молдавией и Грузией (предварительные соглашения существуют уже с прошлого года), возможно, российским ответом станет организация референдумов, подобных крымскому, в Приднестровье (*Молдавия*), Абхазии и Южной Осетии (*Грузия*), увеличивая тем самым напряженность в отношениях с Западом. *В отличие от венесуэльского*, конфликт, вызревающий в Евразии, – это надолго.